

РЕПТИЛОИДЫ

РАССКАЗ

Анатолий БИМАЕВ

Анатолий Владимирович родился в 1987 году в пос. Солнечный Красноярского края. В 2009 году окончил Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова по специальности «юриспруденция».

Публиковался в журналах «Абакан», «ЯММА», «Нева», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Алтай», «День и ночь», «Крещатик», «Полдень», в «Литературной газете». Автор романа «Восемь-восемь» (электронная редакция «Эксмо», 2021).

Лауреат премии им. В. П. Астафьева (2021). Финалист премии им. А. И. Казинцева (2022, 2023). Член Союза писателей России. Руководитель Совета молодых литераторов Хакасии (2020). Живёт в Абакане.

Необязательно обладать развитым воображением, чтобы представить, как миллионы лет тому назад здесь плескался доисторический океан, скрывавший в глубинах гигантских чудовищ.

— Раньше здесь росли пальмы, — задумчиво произнёс попутчик, глядя на проносившийся за окном пейзаж. — Да, росли пальмы, плескалось море. Видишь отметины на скалах? Их оставила отступающая вода.

Я оторвал взгляд от дороги и посмотрел, куда указывал мужчина. Над бескрайнею степью тут и там возвышались скалистые горы. Если хорошо присмотреться, на них действительно виднелись поперечные полосы, напоминавшие слои бисквитного торта. Они были разных оттенков. И верхние — заметно светлей нижних, пробывших под водой, по идее, более длительный срок. Необязательно обладать развитым воображением, чтобы представить, как миллионы лет тому назад здесь плескался доисторический океан, скрывавший в глубинах гигантских чудовищ. Вся степь, должно быть, усеяна их костями, и, если копнуть землю глубже, можно легко отыскать усеянные длинными зубами-бритвами черепа и уродливые

остовы, ещё не доведённых до совершенства эволюцией туловищ.

— Всё может быть, — добродушно произнёс я, пожав плечами. В конце концов, что плохого в том, чтобы пофантазировать? Беды от этого никакой, зато дорога до Красноярска пролетит весело и незаметно.

— Ещё моя прабабушка слышала в детстве истории о прежней жизни, — воодушевляясь, продолжил попутчик. — В Хакасии был тропический климат. Никакой смены времён года. Зимой не переставая лили дожди, а летом стояла жара в сорок градусов. Никто не работал. Люди только рыбачили и собирали бананы, а в свободное время плавали в океане. Вся энергия добывалась прямо из воздуха, из пространства. Никола Тесла называл это эфиром. Сейчас учёные говорят о чёрной материи. Только считается, что она не принимает участия в электромагнитных процессах. Как бы не так! В восемнадцатом веке люди конструировали машины, работавшие на этой энергии. То были вечные двигатели, выдававшие КПД в девяносто девять процентов, которые не нужно было заряжать или заправлять топливом. Они могли работать годами без остановки, при этом абсолютно бесплатно. Цивилизация не знала ни голода, ни бедности, ни рабского труда за гроши.

— Да? И что же случилось потом?

— Ядерная война, — с готовностью произнёс пассажир. — Понятное дело, все свидетельства прежней цивилизации были тщательно уничтожены, вся история — переписана. Крепостное право, реформы Петра Первого, татаро-монгольское иго. До сих пор, кстати, не найдено ни одного свидетельства, подтверждающего нашествие хана Батые. Ни оружия, ни лошадиных сбруй, ни доменных печей. Даже кочевники должны были оставить после себя какой-нибудь след. Ничего. Ровным счётом.

— И Римская империя? Она, что ли, тоже придумана?

Похоже, разговор обещал быть интересней, чем мне представлялось вначале, поэтому я решил подыграть пассажиру. А может, просто заразился его странным безумием, как каким-нибудь гриппом или коронавирусом. Недаром же говорят, что самые безнадёжные психи — это их лечащие врачи.

— Всё, включая теорию Дарвина с его неандертальцами и австралопитеками, — ложь. Человек не произошёл от обезьяны. Первые люди прибыли на планету с Марса, спасаясь от вымирания. Это произошло несколько десятков миллионов лет тому назад, во времена динозавров. Потом была Атлантида, которая тоже погибла в результате войны. Потом сотни тысяч лет одичания и варварства, наконец, новый скачок развития технологий и очередная война. Мы живём в период ядерной зимы.

— И кто победил в последней войне? Надеюсь, свои?

В восемнадцатом веке люди конструировали машины, работавшие на этой энергии. То были вечные двигатели, выдававшие КПД в девяносто девять процентов, которые не нужно было заряжать или заправлять топливом. Они могли работать годами без остановки, при этом абсолютно бесплатно. Цивилизация не знала ни голода, ни бедности, ни рабского труда за гроши.

Недаром же говорят, что самые безнадёжные психи — это их лечащие врачи.

Свинство, конечно, с моей стороны было себя так вести, но в свою защиту скажу, что пассажир, похоже, и не заметил сарказма. Оглядевшись с опаской по сторонам, он неожиданно спросил:

— У тебя телефон включён?

— Конечно. А что?

— Нас слушают через смартфоны. Выключи, пока они не пришли.

— Кто слушает? ФСБ? Думаю, им не...

— Выключи, кому говорят!

Он чуть ли не кричал на меня, и в его глазах читался явственный ужас. Признаться, мне даже сделалось как-то не по себе.

— Ладно-ладно, только спокойней, — произнёс я, выключая мобильник. — Не хватало ещё здесь истерик. Разбиться хочешь, к чёртовой матери? Или считаешь, что это всё тебе просто снится?

— Ты не знаешь, о чём говоришь!

— Хорошо, тогда просвети меня. Кто должен за нами прийти?

— Рептилоиды.

— Репти... мать его, кто?

— Всему виной радиация, — успокаиваясь, заговорил он. — Сразу после войны на свет стали появляться мутанты. Внешне почти не отличимые от людей, но другие. Определить их можно лишь по гребням на голове и глазам. Зрачки у них как у ящериц. Глаза такие жёлтые и будто бы неживые, зрачки вертикальные. Они захватили власть на планете и теперь управляют нами посредством радио и телевидения. Они переписали историю и науку. Всё, что ты знаешь о мире, подверглось строгой цензуре. Они очень умны, поэтому найти противоречия практически невозможно. Я и сам бы ни за что не раскрыл заговора, если бы однажды не встретился с рептилоидами лично.

— Что? Ты их видел?

— О да, — вздохнул пассажир. — Я их видел.

— И как это произошло?

— Боюсь, если я расскажу, они начнут охотиться за тобой.

Их существование должно оставаться тайной. На этом основано всемогущество рептилоидов.

— Послушай, я сделал, как ты просил, выключил телефон, — произнёс я как можно более вкрадчивым голосом. — Никогда в жизни я ещё не встречал такого конченого психа, как этот, и упускать свой шанс побыть в шкуре психотерапевта мне не хотелось. — Нечего опасаться, что нас подслушивают. Твоя история может спасти человечество. Мы сообщим об этом в СМИ. У меня куча друзей-репортёров. Они нам помогут.

— Бесплезно. Им не поверят. Я пробовал.

— Попробуем ещё раз. В конце концов, можно поймать одного из этих засранцев.

Сразу после войны на свет стали появляться мутанты. Внешне почти не отличимые от людей, но другие. Определить их можно лишь по гребням на голове и глазам. Зрачки у них как у ящериц. Глаза такие жёлтые и будто бы неживые, зрачки вертикальные. Они захватили власть на планете и теперь управляют нами посредством радио и телевидения.

Тут мужчина нервно расхохотался.

— Я сказал что-то смешное?

— Скорее они поймут тебя, чем ты — их!

— А мы не одни их будем ловить. Создадим ополчение, уйдём в лес. Наверняка найдутся желающие, кто захочет избавиться мир от мутантов.

— Ладно, — вдруг посерьёзнев, произнёс псих. — Я расскажу.

В этот момент раздался удар. В нас что-то врезалось сзади с огромною силой. Голова моя впечаталась в подголовник так, что клацнули зубы, а язык обожгло дикой болью. Во рту появился солоноватый вкус крови.

— Что са чёт! — прокричал я, еле ворочая прокушенной плотью.

— Это рептилоиды. Они явились за нами!

— Не пори чуф, прифурок!

Я бросил взгляд в зеркало заднего вида. Позади ехал чёрный «ниссан патрол», огромный, как само Провидение.

Мгновение спустя он снова нас протаранил. От толчка машину выбросило на встречную полосу, потащив по инерции в сторону кювета. Мне едва удалось удержаться на трассе. Вернувшись на свою половину дороги, я буквально встал на педаль газа. Двигатель отчаянно заревел, а стрелка тахометра с усилием поползла в красную зону. Но внедорожник не отставал. Он явно превосходил нас в ходовых качествах. Пресловутая экономия на ОСАГО, руководствуясь которой средне-статистический житель планеты вынужден отказывать себе в удовольствии управлять авто с повышенной мощностью мотора, теперь выходила мне боком. Но разве мог я предполагать, взвешивая все «за» и «против» покупки машины со ста пятью лошадиными силами под капотом, что однажды мне придётся удирать на ней от разъярённых рептилий? Конечно же, нет.

Я разогнался до ста шестидесяти километров. На большее моя легковушка была неспособна. «Ниссан» же только-только поймал второе дыхание. Осатанело зарывчав двигателем, так, что из выхлопной трубы повалил чёрный дым, а клапана застучали как пулёмётная очередь, он резко пошёл на обгон. Я перестроился влево, надеясь перекрыть ему путь, но, изменив траекторию, тот обошёл меня по правой обочине, подняв за собой шлейф серой пыли. На этот раз среагировать я не успел и, бросив быстрый взгляд вдоль дороги в попытке отыскать хоть одну встречку, нажал на тормоз.

Ремень безопасности впился в грудь, когда, подчиняясь законам физики, моё тело бросило на лобовое стекло. Не обращая на это внимания, я развернулся и помчал в обратную сторону. Это был отчаянный, бессмысленный шаг. Водитель внедорожника умело повторил манёвр, тут же принявшись ускоряться. Пятилитровый движок тащил трёхтонную махину совсем как РД-181 — ракетоноситель «Союз».

Но разве мог я предполагать, взвешивая все «за» и «против» покупки машины со ста пятью лошадиными силами под капотом, что однажды мне придётся удирать на ней от разъярённых рептилий? Конечно же, нет.

Поравнявшись с нами, «ниссан» навалился всем своим весом на легковушку. В машине посыпались стёкла, а попутчик заверещал как девочка. Удар был такой силы, что из моих рук выбило руль управления, и мы вылетели с дороги в кювет.

Сморщившись от дикой боли, я с огромным трудом разлепил веки. Всё тело болело, словно его пропустили через жернова мясорубки. Болели каждая косточка, каждый сустав. И особенно — руки и ноги. Ощущение, будто они были пронизаны острыми иглами так, что я не мог ими пошевелить. Привыкнув к яркому освещению, я обнаружил себя в огромном сводчатом зале прибитым к деревянному распятию. Мой попутчик был рядом. Его обнажённое, в потёках крови и ссадинах тело безвольно висело на соседнем кресте, не подавая признаков жизни. Прямо под нами, у основания распятий, мне удалось разглядеть высокую кафедру, сплошь в позолоте и бархатной парче, как в протестантских соборах. От кафедры вдоль всего зала тянулся массивный дубовый стол. Стол выглядел очень древним, по его тёмной, украшенной замысловатой резьбой поверхности шли глубокие, оставленные временем сколы и трещины. Стены же зала украшали гобелены, на которых были изображены немислимого вида уродцы с гребнями и хвостами ящериц, принимавшие участие в странных, если не сказать — чудовищных, ритуалах, смутно напоминавших чёрные мессы с их жертвоприношениями, каннибализмом и шабашами. Освещали весь этот ужас стилизованные под старинные канделябры светильники. В них были вкручены лампочки в виде языков пламени, испускавшие ярко-жёлтый пронзительный свет, изгонявший из помещения даже малейшие признаки тени.

Я едва успел оглядеться, как обитая листами железа и медными заклёпками дверь в конце зала открылась. В помещение потекло длинное шествие людей, облачённых в чёрные рясы. От их безмолвной, проникнутой зловещей торжественностью процессии становилось не по себе. Они шли, смиренно преклонив головы, и занимали места за столом. Удивительно, но я не заметил никакой давки и толчеи. Обряд явно оттачивался на протяжении многих лет, быть может, столетий, и каждый участник довёл малейший свой шаг до безупречности. Люди садились на стулья, придвигались к столу и замирали в молитвенных позах. Их персты при этом были сложены в каком-то причудливом знаке, в виде гребня рептилии или что-то вроде того.

Только теперь я в полной мере задумался о предстоящей мне участи. Я висел на распятии чёрт знает как глубоко под землёй, в компании конченных психов. Видимо, мне предстояла долгая, мучительная смерть, виновники которой никогда не понесут наказания. Возможно, меня ожидали и пытки. Наверняка у них имелись все необходимые инструменты для этого: испанские сапоги, дыба, горн для плавки металла,

чтобы заливать его жертве в глотку. Бог его знает, как далеко могла зайти их большая фантазия.

Незаметно к кафедре вышел один из рептилоидов. Видно, он был тут самым главным. На его шее поверх балахона висело драгоценное ожерелье из золота, украшенное переливающимися всеми цветами радуги самоцветами, а в руках он держал толстенную книгу в кожаном переплёте. Положив её на бархатную подушку, рептилоид снял капюшон. Его примеру тут же последовали остальные. Наконец-то я увидел лица своих похитителей. Как и говорил попутчик, от людей отличить их было трудно. Бритоголовые, с нездорово-бледного цвета кожей, мужчины среднего возраста, похожие один на другого как однояйцевые близнецы. Только зеленоватые гребни, шедшие от темечка вниз по спине, говорили о том, что я имел дело с мутантами.

Стоило всем рассестся, как в зале появилось ещё несколько действующих лиц. В руках они несли кейсы наподобие тех, что можно увидеть в фильмах про гангстеров. Обычно в таких перевозили крупные суммы денежных знаков. Поместив те на стол, рептилоиды щёлкнули замками и отступили назад.

В кейсах и правда лежали деньги. Доллары, рубли, фунты стерлингов, японские иены. Настоящее валютное ассорти. Как мясная нарезка на свадьбе.

— Братья, — произнёс главный. Его сильный, хорошо поставленный голос легко разносился по залу, словно приводимый в движение пружинами. — Прежде чем приступить к трапезе, давайте восславим молитвой Великую квантовую неопределённость, дающую нам всё необходимое: неиссякаемый запас пищи и миллиард слуг, с радостью и благоговением готовых работать на наше общее благо. Аминь!

— Аминь! — хором отозвались монахи.

Дальше главный принялся читать молитву. Богохульную пародию на православные псалмы, прославляющие кванты, чёрную материю и ядерную энергию атомов, уничтожившую несправедливый мир равенства.

— И не было среди них ни одной сильной личности, способной сказать на весь мир: «Я так хочу», — с яростью в голосе вещал главный. — Ибо в довольстве и праздности погрязло человечество. Отвратился разум их от великого, находя удовлетворение в малом. Лев спал подле ягнёнка, а диктатор — подле раба. Не желали ничего более люди, предав само мироустройство Вселенной. Забыли они, что только желание, аккумулированное в миллиардах сердец, способно заряжать энергией бесконечные просторы космоса. Нет пределов силе желания. Поистине способно оно сдвинуть горы, разверзнуть моря. Сами кванты формируют вокруг вожделеющего пространство в соответствии с той целью, к которой устремлена его воля. И, формируя пространство, перестраивая его в угоду желанию, кванты ионизируются, приобретая необходимый

Как и говорил попутчик, от людей отличить их было трудно. Бритоголовые, с нездорово-бледного цвета кожей, мужчины среднего возраста, похожие один на другого как однояйцевые близнецы. Только зеленоватые гребни, шедшие от темечка вниз по спине, говорили о том, что я имел дело с мутантами.

для существования мира заряд, противодействующий разрушительной энтропии.

Тут до моего слуха донёлся едва слышный стон. Это на соседнем кресте очнулся попутчик. Открыв глаза, он обвёл затуманенным взглядом зал с рептилоидами, явно не осознавая того, где находится. Но блаженное беспмятство длилось недолго. Уже мгновение спустя он отчаянно заёрзал на деревянном распятии, крича от боли и страха, моля о пощаде, но рептилоиды не обращали на него никакого внимания.

— И ужаснулся эфир, — продолжал тем временем главный, — какое бесславное племя вскормил дармовыми амперами. И обрушил на негодный народ испепеляющий ядерный жар, превративший их города в бесплодные пустоши, а их самих — в горький прах, неспособный удобрять почвы. И положил начало новому жизнеспособному роду. Отметив избранных красными метками струпьев, этим сладчайшим поцелуем Плутония, он передал им частичку своего дара, чтобы отныне они могли питаться квантовым соком и не забывали своего истинного предназначения на Земле.

Так давайте же, братья, приступим к освящённой самой чёрной материей трапезе! В этих купюрах, что лежат перед вами, заключены все помыслы и устремления современного человека. С мыслями о деньгах он просыпается и с мыслями о них засыпает. Ради денег он готов свернуть горы, и кванты, повинувшись этому людскому желанию, формируют мир в соответствии со злой прихотью. Войны и преступления, небывалое падение нравов — всё это дело рук безобидных бумажек, любовь к которым мы внушили людям посредством СМИ и образования. Каждая из них за время своих долгих скитаний из одних рук в другие пропиталась квантовым соком и теперь готова передать его нашим телам.

Аллилуйя, братья, аллилуйя! Настал долгожданный день жатвы. Насыщайтесь вдоволь плодами эфира, «ибо силён духом тот, кто питается из Моих виноградников, и немощен обратившийся и непрозревший».

При этих словах рептилоиды накинулись на пачки с деньгами. Они жадно вгрызались в купюры, как если бы те были сочными стейками из мраморной говядины. Даже отсюда я видел их заострённые, как бритвы, зубы. Они легко разрывали толстые пачки плотной бумаги, пережёвывая деньги в несколько яростных движений челюстями.

По мере насыщения рептилоиды впадали в экстаз. Закатывая глаза, они безвольно сползали по стульям на пол, дёргаясь, словно в припадке падучей. И из их ощеренных от удовольствия ртов текла густая слюна. Те же, что ещё оставались в сознании, вступали в яростные схватки за цветные обрывки банкнот. Они вырывали их из рук товарищей, шипя друг на друга и норовя укусить. Сворой хищных животных, не поделивших кусок свежего мяса, — вот кем они были на самом

При этих словах рептилоиды накинулись на пачки с деньгами. Они жадно вгрызались в купюры, как если бы те были сочными стейками из мраморной говядины. Даже отсюда я видел их заострённые, как бритвы, зубы. Они легко разрывали толстые пачки плотной бумаги, пережёвывая деньги в несколько яростных движений челюстями.

деле. Ничего людского, если оно когда-нибудь у них и имелось, обнаружить сейчас в рептилоидах было невозможно.

— Спокойней, братья, спокойней, — рассмеялся мужчина за кафедрой. — На сегодня это ещё не все угощения.

Продолжая шипеть, монахи принялись усаживаться по местам.

— Как вы знаете, отряд собственной безопасности поймал сегодня во внешнем мире двоих постигших тайну. Мы долго думали, что с ними сделать. Казнить? Подвергнуть пыткам? Или стереть память посредством гипноза и отпустить по домам? Но мне пришла в голову совсем иная идея. Я спросил себя: как давно мы питались эфирным соком, произведённым верующим человеком? Как давно кто-нибудь из людей возносил в небо молитву? И понял, что давно, братья, очень давно мы не лакомились таким блюдом. Ибо сложно заставить людей желать нематериальное. Создав для человечества всеобщий миф денег, мы, к сожалению, лишили себя многообразия пищи, вынужденные изо дня в день питаться опостылевшим блюдом. Давая нам жизнь, оно всё-таки не приносит того наслаждения, которое могло бы давать разнообразие рациона.

Но у наших пленников не останется иного выбора, кроме как уверовать в чудо. Ибо только оно способно спасти их от смерти. Слышите меня вы, несчастные? — повернувшись, посмотрел он на нас неживым взглядом ящерицы. — Привязанные к распятию, этому символу вашей скорбной, но всемогущей веры, вы будете подвергнуты страшным мукам, от которых сможете избавиться лишь посредством молитвы. Молитесь же, чтобы пути ослабли, а наши сердца наполнились жалостью. Молитесь настолько усердно, насколько это возможно, и тогда, может быть, вера преобразует реальность и чудеса, описанные в Книге книг, снова свершатся спустя две тысячи лет.

Стоило умолкнуть главному, как из-за крестов вышли двое с кнутами. Встав подле распятия, на котором висел мой попутчик, они размахнулись и с пронзительным свистом хлестнули его кожаными бичами, оставившими после себя две глубокие раны, из которых тут же хлынула кровь. Стекая по животу и ногам, она закапала в объёмную чашу из серебра, стоявшую у основания распятия.

Мужчина вскрикнул от боли. Никогда прежде не слышал я такого страшного крика. От него леденило душу и сердце замирало в груди. Корчась на кресте, он мгновение спустя отчаянно выгнулся телом так, что хрустнули позвонки. И тут же безвольно обмяк на гвоздях, казалось, лишившись сознания.

— Молись же, несчастный. Или будешь забит до смерти!

— Отче, иже еси на небеси, — плача, затараторил слова молитвы мужчина.

— Аллилуйя, — тотчас же проорал главный.

Молитесь же, чтобы пути ослабли, а наши сердца наполнились жалостью. Молитесь настолько усердно, насколько это возможно, и тогда, может быть, вера преобразует реальность и чудеса, описанные в Книге книг, снова свершатся спустя две тысячи лет.

И снова оглушительно пропели кнуты, и две кровавые полосы, крест-накрест с первыми, появились на теле попутчика. Чудовищный вопль, а затем прервавшаяся было молитва возобновились опять.

Пытка продолжалась в течение нескольких страшных минут. Кнуты опускались на тело распятого с убийственной постоянностью, словно соглашаясь с ритмом какой-то ритуальной мелодии. Они рвали тело мужчины в клочья, превращая его в кровавое месиво, и зал наполнялся тошнотворным запахом скотобойни. Сдирая кожу, кнуты обнажали гнойно-жёлтые пласты жира и багровые переплетения мышечной ткани, пока наконец в разверзнутых ранах не показались рёбра и склизкие нити кишок.

Казалось, это обезображенный труп, но не живое создание, однако мужчина продолжал не переставая молиться. Только вместо криков и страшных стонаний, с которыми из охрипшей глотки его вырывались святые слова, пришло неразборчивое мычание, становившееся с каждой секундой всё тише и отрешённое. Боль, по-видимому, была такой сильной, что, подобно ультрафиолетовому лучу света, вышла за пределы человеческого восприятия, и мозг несчастного перестал её регистрировать. Во всяком случае, я искренне в это верил, ведь мне предстояло пройти через те же самые муки. Милостивая природа должна была предвидеть те невыносимые пытки, которые способно применить одно существо по отношению к другому, и избавить его от ненужных страданий.

Но вот в глотке мужчины что-то забулькало. Он стал задыхаться. Кнуты опустили на его тело ещё раз. Однако распятый даже не вскрикнул. Молитва прервалась, и его голова безвольно упала на грудь.

— Аллилуйя, — проорал рептилоид, и двое служителей, те, что били мужчину кнутами, взявшись за массивные дужки, подняли чашу с кровью и поднесли её к кафедре, предлагая главному отведать деликатес первым.

— Наступил час пиршества, братья! — продолжал тот, обходя зал ничего не видящим от религиозного экстаза взглядом. — Пусть этот квантовый сок, наполненный питательной силой веры в чудесное, скрасит наше полное трудов и лишений существование красками ярких эмоций. Аминь!

Приняв чашу из рук прислужников, он отпил кровь, но, едва успев вернуть им сосуд, упал на пол, забившись в припадке блаженства. Толпа одобрительно зарокотала. Рептилоиды что-то с восторгом шептали друг другу, кивая в сторону главного. Некоторые заплодировали. Тем временем прислужники поднесли чашу к столу. Они по очереди давали братьям пить и, когда те падали как подкошенные, заходясь в припадке эпилепсии, шли дальше, обходя зал по кругу. Они не обделили ни одного товарища и последними отпили из чаши сами, последовав в нирвану за остальными.

Приняв чашу из рук прислужников, он отпил кровь, но, едва успев вернуть им сосуд, упал на пол, забившись в припадке блаженства. Толпа одобрительно зарокотала. Рептилоиды что-то с восторгом шептали друг другу, кивая в сторону главного.

Кайф от крови длился дольше, чем от валюты. Минут двадцать, не меньше. И всё это время десятки полулюдей-полуящериц бились в конвульсиях, пуская слюну, пукая и испражняясь. Это был наркотический приход чистой воды, и в сознание рептилоиды приходили медленно и тяжело. Заблёванные, обгащенные собственными экскрементами, они поднимались на ноги, постанывая и хватаясь за головы, как с дикого бодуна. Похоже, попутчик мой был крепким орешком и пришёлся им не по вкусу. Слабое, конечно, но утешение. Мне оставалось надеяться, что после меня они не смогут подняться неделю, проклиная день, когда испытали первый приход, а половина вовсе содохнет в страшных мучениях, как если бы укололась порошком Dosya вместо чистого героина.

— Бл... — охрипшим басом произнёс главный. — Да о чём он только думал во время казни? О том, как сношаются дикобразы?

— Мессир, изволите принять душ? — спросил один из прислужников.

— Неси хворост, придурок! — проорал он в ответ и, согнувшись пополам, выbleвал из себя зелёную массу дымящейся слизи.

Раболепно поклонившись Мессире, прислужники засуетились, обкладывая основание моего распятия связками сухих веток. По всей видимости, для меня они приготовили казнь пострашней, чем милосердное избиение плётками. Наверное, кайф получался так мягче и после него голова не болела. Или же он служил лучшим средством с похмелья, как бархатное нефильтованное наутро после «Боярышника». Нужно ли говорить, что у меня был врождённый страх перед сожжением заживо? Все эти истории про Жанну д'Арк и прочих горемычных колдуний пятнадцатого столетия несколько меня не вдохновляли, пробуждая с самого детства в душе ледяной ужас.

— Братья, не буду ходить вокруг да около, — хрипло произнёс главный, то и дело прерывая свою речь отрывками и плевками. — Всем нам сейчас несладко. Всем хочется скорее почувствовать себя в норме. Поэтому давайте просто сожжём этого сукина сына, и пусть он прочтёт перед смертью нам пару молитв.

— Аллилуйя, — устало отозвались рептилоиды.

За спиной у меня что-то хлопнуло. Это вспыхнули просмолённые факелы. Через мгновение они лежали на связках хвороста под моими ногами. Всего лишь в каком-нибудь метре от стоп. Огонь быстро распространялся по сухим веткам, слышались частый треск и едва слышное завывание, с которым нагретый воздух устремлялся вверх. Вместе с ним из костра повалил густой дым. Казалось, он выжигал мои внутренности, распространяя с током крови по телу свои ядовитые газы. Перед глазами поплыло, и я зашёлся тяжёлым,

Раболепно поклонившись Мессире, прислужники засуетились, обкладывая основание моего распятия связками сухих веток. По всей видимости, для меня они приготовили казнь пострашней, чем милосердное избиение плётками.

не приносящим облегчения кашлем, выворачивающим меня наизнанку.

— Что же ты не начинаешь? Не хочешь даже попробовать? — насмешливо спросил главный. — Помни: это твой единственный шанс!

Как ни скверно, но рептилоид был прав. Я попытался представить по возможности отчётливо, что стал всемогущим, попытался представить девственные времена нашей цивилизации, когда Иисус воскресил Лазаря и ходил по морской глади воды. Он верил в высшие силы, верил в собственную избранность, и этого оказалось достаточно, чтобы подчинить себе законы природы. Чудеса — не бредовая выдумка рептилоидов. Святое Писание пришло к нам из тех времён, когда человечество стояло на пороге открытия эфира, ещё слишком невежественное, чтобы объяснить его с точки зрения науки, но гораздо более одухотворённое, чем мы нынешние, чтобы поверить в него и использовать в своих нуждах. Всё остальное было искажено, подвергнуто строгой цензуре, попросту выдуманно. Открытия Исаака Ньютона, Галилей, Леонардо да Винчи. Рептилоиды оставили жемчужину истины, заключив её в оправу лжи и непримиримых сомнений, чтобы изредка лакомиться редким деликатесом. Как всё прозаично и буднично!

Я закрыл глаза, чтобы не видеть разгоравшегося с каждой секундой пламени. Его не существовало. Были только я и эфир, готовый тотчас подчиниться воле любого, кто осмелится бросить вызов. Я сконцентрировался, воображая порыв мощного ветра, и в этот же миг в спину упруго ударило волной свежего воздуха, разметавшего вязанки хвороста, потушившего пламя. Порыв был такой силы, что распятие, заскрипев, пошатнулось, чуть было не переломившись пополам.

— У него получилось, — услышал я изумлённые возгласы рептилоидов.

— Не может этого быть. Получилось...

— Что же вы стоите? Немедленно его уничтожить! — прокричал главный.

Длинные железнодорожные костыли, которыми я был прибит к кресту, выскочили из плахи, как пули, угодив в ближайших врагов. Они пробили их насквозь, оставив в теле после себя огромные безобразные раны, и, срикошетив от пола, понеслись дальше, калеча и убивая на своём пути всё живое. Обессиленный, я свалился на пол и тут же вскрикнул от боли, опершись руками о землю. В пылу завязавшегося сражения я совсем позабыл о своих ранах. Мне требовалось лечение, поэтому я представил, как стигматы затягиваются здоровыми клетками, покрываясь чистой, без единого шрама кожей.

Боль мгновенно стихла, и, открыв глаза, я едва успел увернуться от бежавшего с двуручным мечом рептилоида. Удар прошёл в каких-то сантиметрах от моей головы. Настолько близко, что почувствовалось дуновение ветерка возле уха.

Рептилоиды оставили жемчужину истины, заключив её в оправу лжи и непримиримых сомнений, чтобы изредка лакомиться редким деликатесом. Как всё прозаично и буднично!

Подняв руки, я выстрелил в нападавшего огненными ша-рами плазмы, и тот свалился замертво, обугленный, как го-ловёшка. Его почерневшее тело дымилось, тихо потрескивая, словно где-то внутри тлели угли.

Я огляделся. Рептилоиды бежали на меня отовсюду, воору-жённые мечами самых разнообразных конструкций, начиная с рапир и заканчивая изогнутыми в полумесяце сарацински-ми саблями. У кого-то были булавы, бердыши, палицы и даже нунчаки. Похоже, рептилоиды обладали целым арсеналом ору-жия, словно готовились пойти с ним в крестовый поход. Разу-меется, я не стал задаваться вопросом, зачем им всё это было нужно, а принялся ошалело палить по нападавшим, пробира-ясь в сторону выхода. Я бил без промаха, не оставляя в живых никого. Однако рептилоидов было так много, что в конце кон-цов им удалось меня взять в кольцо, приблизившись на рассто-яние удара. Я уворачивался от них, как Нео в «Матрице», раз-вив феноменальную скорость. Садился на шпагат, пропуская лезвия неприятельских мечей над головой, делал сальто-мор-тале, прыгал под потолок, крутился на руках и голове. Одним словом, порхал как бабочка, жалил как пчела.

Только подумать, у меня даже не сбилось дыхание, когда я остался в зале один. Враги недвижно лежали, распростра-няя вокруг невыносимую вонь палёного мяса, так что, раство-рив массивные створки ворот, я поспешил на свободу.

С той стороны меня ждали мрачные катакомбы, пещера с многочисленными ходами, хаотично ветвившимися в тол-ще породы, словно их прогрызла гигантская гусеница. И не было ни одного указателя, который бы направил меня по нуж-ной дороге, благо приобретённая сверхспособность позволя-ла мне освещать путь. Испуская руками яркие лучи света, я рыскал по узким проходам, как раненый зверь, выбирая путь наугад. То и дело лабиринт заводил меня в странные помещения: спальни с выдолбленными в стенах нишами, которые рептилоиды, видимо, использовали в качестве лож, инкубаторы по производству потомства с сотнями желтова-тых яиц величиной с мяч, а то и вовсе в тупик. Мне постоян-но приходилось возвращаться обратно, выбирая новые ходы в скалах. Однако поклясться в том, что каждый раз я свора-чивал на неизведанный ранее путь, не представлялось воз-можным. Коридоры походили один на другой: одно и то же нагромождение сталактитов и огромных булыжников, о ко-торые я спотыкался чуть ли не через шаг.

В итоге я заблудился. И просто ходил взад-вперёд, уже не пытаюсь вспомнить, был ли я здесь ранее или нет. Как дол-го это всё продолжалось, сказать трудно. Мне казалось, что целую вечность. Иногда, обессиленный, я проваливался в тя-жёлое забытё, которое не несло облегчения. И в полудрёме продолжал бесконечно бродить по пещере как проклятый. В чувство меня приводили приступы острого голода. Увы,

С той стороны меня ждали мрачные катакомбы, пе-щера с многочисленными ходами, хаотично ветвив-шимися в толще породы, словно их прогрызла гигантская гусеница. И не было ни одного указате-ля, который бы направил меня по нужной дороге, благо приобретённая сверхспособность позво-ляла мне освещать путь.

унять их было нечем, потому с каждым таким пробуждением я делался только слабее, а мысли в голове путались всё сильней и сильней. Я так устал, что в какой-то момент утратил свои сверхспособности и бродил по пещере в крошечной тьме, ни о чём уже более не думая, ничего не желая и не загадывая, не в состоянии даже заплакать от горя.

Неожиданно вдалеке забрезжил солнечный свет. Неужели выход? Боясь ошибиться, я побежал, спотыкаясь и падая на неровной поверхности. Я ободрал колени и локти, исцарапал тело об острые камни, но боли не ощущал. Моё сердце стучало как бешеное, разгоняя по организму адреналин, притуплявший все чувства.

Наконец я оказался снаружи. Меня окружили высокие махты сосен и густые заросли папоротника, где-то в вышине щебетали певчие птицы. Тайга. Неизвестно насколько далёкая от человеческой цивилизации глушь, а у меня нет ни телефона, ни компаса, ни ножа со спичками. Ноги мои подкосились, я опустился на землю.

«Это конец», — решил я. Попытался выдать из руки хотя бы искорку пламени, которая помогла бы разжечь костёр, и не смог. Не хватало концентрации мысли. А быть может, я просто утратил веру? Я знал, что чудо возможно. Но между верой и знанием простиралась бездонная пропасть, которую не обойти, не объехать. Благодать покинула мою душу, и возможно, что навсегда, а без неё я был безоружен перед лицом новых опасностей, которые, несомненно, ждали меня в этом враждебном мире.

Вдруг до моего слуха донёсся автомобильный гудок. Я подскочил, отчаянно всматриваясь в непролазную чащу. Показалось или где-то рядом проходит дорога? В следующий миг я уже бежал в сторону звука, продираясь сквозь заросли папоротника. Хотя бегом это было трудно назвать. Я ужасно хромал, припадая на здоровую ногу и волоча по земле повреждённую, а поросшие мхом стволы деревьев служили мне точкой опоры. Теперь я отчётливо слышал шум проезжающих машин. Хвала небесам, рептилоиды селились неподалёку от человека. Донор и пациент. Паразит и хозяин. Вечная парочка. Там, где есть первое, обязательно найдётся второе.

Я бежал, отчаянно повторяя: «Только бы не мираж! Не галлюцинация», — как внезапно сосны передо мной расступились, и я кубарем полетел вниз по земляному откосу, к дороге, приложившись со всего маху о пень плечом. Оглушительно хрустнула кость, из глаз хлынули слёзы, но я всё же нашёл в себе силы подняться и выйти на трассу.

Из-за поворота как раз медленно выезжала многотонная фура.

— Заблудился, что ли? — добродушно расспрашивал меня пару минут спустя пожилой дальнбойщик, ведя грузовик по

Но между верой и знанием простиралась бездонная пропасть, которую не обойти, не объехать. Благодать покинула мою душу, и возможно, что навсегда, а без неё я был безоружен перед лицом новых опасностей, которые, несомненно, ждали меня в этом враждебном мире.

извилистому серпантину. — Ну и видок у тебя. Будто подрался с медведем или волками.

Я молчал, не отрываясь глядя вперёд. В конце концов водитель прекратил допрос и погрузился в раздумья. Он то и дело курил, хмыкая и бубня себе что-то под нос. Мы ехали так полчаса. Может, и больше. Я совершенно забыл про него. Во всём мире существовали только я и проносившиеся за окном сосны. Я старался ни о чём не думать, не вспоминать. Но ужасные картины казни против воли всплывали перед глазами. Они будут преследовать меня до конца жизни, я это знал. Такое не забывается. Снова и снова в ушах моих будет звучать крик попутчика, безобразный, нечеловеческий, и я буду просыпаться в холодном поту, думая, что рептилоиды явились за мной.

— Ну и что ты думаешь обо всём этом?

— Что? — вздрогнул я, покосившись на водителя фуры.

— Ну, об этой китайской заразе, корона-, мать его, вирусе и всём прочем? Ездят нам по ушам или оно происходит на полном серьёзе? Как считаешь? Верить в коронавирус вообще или нет?

— В коронавирус?

— Ну да, да! Верить в него или нет?

— Верю, — убеждённо произнёс я, прежде чем успел об этом задуматься. — Верю в коронавирус. Да, я верю в коронавирус. Я верю...

Верю в коронавирус.

Да, я верю в коронавирус.

Я верю...
